

Александр Эртель

Жадный мужик

Александр Эртель

Жадный мужик

«Public Domain»

1886

Эртель А. И.

Жадный мужик / А. И. Эртель — «Public Domain», 1886

«И стал с этих пор скучать Ермил. Возьмет ли метлу в руки, примется ли жеребца хозяйского чистить; начнет ли сугробы сгребать – не лежит его душа к работе. Поужинает, заляжет спать на печь, и тепло ему и сытно, а не спокойно у него в мыслях. Представляется ему – едут они с купцом по дороге, поле белое, небо белое; полозья визжат, вешки по сторонам натыканы, а купец запахнул шубу, и из-за шубы бумажник у него оттопырился. Люди храп подымут, на дворе петухи закричат, в соборе к утрени ударят, а Ермил все вертится с бока на бок. Прежде разъелся он на хозяйских харчах: щеки отдулись, шея стала как у борова, кафтан, что захватил из дома, – не сходится: станет застегивать – петли трещат. А тут дело подошло...»

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	9
V	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Иванович Эртель

Жадный мужик

I

В Орловской губернии есть село Большие Ключи. Тому назад лет тридцать, еще при господах, жили в этом селе три брата: Иван, Онисим да Ермил. Барин их проживал в чужих краях, мужиков не отягощал, и сидели у него мужики на оброке, высылали барину каждый покров по десяти рублей с тягла. Старший брат Иван да средний Онисим были женаты и уже имели детей: Онисим двоих имел детей, Иван – троих; меньшей брат Ермил был еще подросток. Хозяйство у братьев велось исправное, но не зажиточное. Мужики они были непьющие и на работу завистливые: выйдут, бывало, косить – за троих управляются. Но как было у них много едоков, а Ермил по своим малым годам за мужицкую работу еще не принимался, то и не было большого избытка в их хозяйстве. Обходились своим хлебом, пахать выезжали в две сохи; в стадо выгоняли бабы корову да подтелка, да четыре овцы; оброк о покрове выправляли аккуратно. Избытка же не было.

Только сделалась в России война. Пришел француз, пришел англичанин, с туркой и с итальянцем, обложили русский город Севастополь и побили много народу. Не хватило солдат у царя, велел он собирать ратников. Дошел черед и до села Больших Ключей, пришлось идти Онисиму в ратники. Пошел он, захворал в походе, – похода еще не кончил, помер от горячки. Он помер, ратничиха с сиротами осталась у Ивана, и стало Ивану очень трудно. Взялся Ермил за косу, начал привыкать помаленьку, и подумал Иван: женим малого, посадим на тягло, извернемся как-нибудь. Хотел женить, а тут случился плохой год; ударили поздние морозы, охватили рожь на цветку; летом пришла на горох вошь, горячие ветры овес пожгли. Пришлось убирать мужикам одну солому. Еще труднее стало братьям.

Тем временем у барина появились свои заботы. Пришло письмо от барина, погнали добавочный оброк по шести рублей с тягла. Староста повадился ходить к Ивану чуть не каждый день, ходит, посошком постукивает, зудит. И заскучал Иван: стыдно ему стало перед людьми за свою бедность.

Вот сели обедать, Иван и говорит Ермилу:

– Иди, Ермил, к купцу в работники. Возьмем задаток, извернемся как-нибудь. А я, как-никак, оборочусь один: может, в извоз съезжу, может, поденщина какая навернется.

Ермил покряхтел, почесал в голове, почесал вокруг поясницы и говорит брату:

– Дело-то непривычное в работах. Кто ее знает, как оно там... Порядки, гляди, не нашенькие: какой ногой ступить, где стать, где сесть...

II

Однако подумали-подумали – собрался Ермил, выправил себе билет у приказчика, пошел в город. И такое ему вышло счастье, что сразу нанял его купец и выдал вперед двенадцать рублей. Откупился Иван от старосты.

И попался Ермилу купец добрый. Ругаться не ругается, работой не неволит, харчей дает вволю, а по праздникам и водки подносит. Полюбилось Ермилу такое житье. Малый он был проворный, сметливый, и стал он мало-помалу приглядываться.

Увидит на первый раз, что купец уважает чистоту: двор у него большой, мощный, навезут мужики хлеб с базара, натаскают навозу, насорят зерном, – Ермил возьмет метлу да все чисто-начисто и подметет. Подымется метель, повалит снег, навееет вьюга сугробы – Ермил возьмет в руку лопату, да и сгребет снег к сторонке. А купец пройдет мимо, ухмыльнется, погладит бороду и скажет Ермилу:

– Старайся, старайся, парень, труды твои за мной не пропадут.

И еще видит Ермил, что купец любит почет; любит, чтоб с ним обходились вежливо, кланялись бы ему низко. Бывало так: назовет его какой-нибудь человек вашим степенством, поклонится ему, и купец рад – и всячески отличает такого человека. Ермил тоже стал приноравливаться: начал хозяина величать, шапку перед ним скидать – сам кланяется, а лицо оказывает веселое, точно ему великий праздник хозяина своего видеть. И купец очень был доволен Ермилом.

И еще видит Ермил – ссыпает купец у мужиков хлеб, и как какой молодец озорнее поступает с мужиками, как ежели поход на весах выходит у него больше против других молодцов – так тот молодец приятней купцу, и случается, что купец выдает ему награждение. И носят такие молодцы одежду из тонкого сукна, сапоги на них хорошие, вытяжки, живут весело, всегда с деньгами. Ермил, не будь плох, и говорит купцу:

– Сем-ка я, ваше степенство, попытаюсь. Я к этому делу присмотрелся.

Согласился купец и остался очень доволен Ермиловой ссыпкой. С мужиками Ермил зуб за зуб; ежели ссыпка на меру идет – в мере зерно кулаком утаптывает, греблом о бока поколачивает, сгребает с хитростью все больше около краев, а середка горбом стоит; ежели ссыпка на вес – Ермил промеж весов вертится, пальцем за стрелку цепляет, норовит доску с гирями ногой подтянуть. Мужики только головами крутят.

– Ну, уж пёс у тебя этот парень, – говорят купцу.

А купец притворяется, будто не его дело. Сам же примечает за Ермилом и радуется. И призывает его один раз к себе в горницы и говорит:

– Вижу твою ухватку, Ермил. Труды твои за мной не пропадут. – И тут же подносит ему стакан водки, а сам вытаскивает из кошелька пятишницу и говорит: – Это тебе за твои труды награждение. Старайся.

Обрадовался Ермил. Купил себе рукавицы замшевые, справил поддевку тонкого сукна и еще больше начал угождать хозяину.

III

И стал купец сажать его с собой вместо кучера. Поедет к господам хлеб скупать – и Ермил с ним; поедет по базарам ссыпку делать – и Ермил с ним. Не нахвалится купец Ермилом. Кули набивает, подводы нанимает, мерой гремит – вся ухватка молодцовская, совсем на мужика стал не похож.

Вот раз едут они дорогой. Небо белое, поле белое, по дороге вешки натыканы, полозья визжат по морозу. Скучно сделалось купцу, и завел он разговор с Ермилом.

– Вот, – говорит, – Ермил, купили мы с тобой две тысячи кулей овса. Купили дешево, а продадим дорого. Смотри сюда, – и показывает ему на пальцах, – цена в покупке девять гривен серебра, амбар ляжет пятачок на куль; кули три денежки с пуда: девять копеек; до Москвы переправить: четвертак с пуда, за куль – полтора целковых. Сколько выйдет, по-твоему?

Смекнул Ермил, и говорит:

– По-моему, выходит девять рублей без гривны, ваше степенство.

– Дурак! Кто нынче на ассигнации считает? Смекни на серебро.

Подумал Ермил, и вышло у него на серебро два рубля пятьдесят четыре копейки за куль. Сказал он так, да тут же и притворился, чтобы польстить купцу:

– Конечно, мы люди темные, вашему степенству лучше знать, вашему уму виднее.

Купец совсем размяк от этих слов. Погладил бороду, шубой запахнулся, и еще больше стал ему люб Ермил. И показывает он ему письмо.

– Вот, гляди, – говорит, – Ермил, парень ты тямкой, одна твоя беда: грамоте не смыслишь. А я учен грамоте. Потому – ты мужик и отцы твои, может, пням богу молились, а у меня и отец купец, и дед купец, и сам я купец, по третьей гильдии. И потому мне грамота нужна. Вот в самом этом письме из Москвы пишут: цена на овес стоит сильная – три рубля серебром за куль; а коли овинный, то и набавят. Понял?

– Понял, – говорит Ермил, а у самого так и мелькает в мыслях: сколько же лишков получит купец? И смекнул, что лишков будет на каждый куль сорок шесть копеек, потому овес больше всемужицкий, сырломотый. И, смекнувши, говорит:

– Лишков на каждый куль сорок шесть копеек выходит, ваше степенство.

– Лишков! Это барыш, малый, а не лишки. А сочти теперь, сколько всего перепадет на мою долю от двух тысяч кулей.

Не сосчитал Ермил, сбился. Купец засмеялся и говорит:

– Девятьсот двадцать целковых, дурашка ты эдакая! – И захотелось ему побахвалиться перед Ермилом. Вынул он бумажник, развернул и говорит:

– Гляди, тут всего семьсот рублевков одних. Так ежели вот доложить к этой куче еще две сотенных бумажки, – это и будет мой барыш на овес. Понял?

Покосился Ермил, видит – бумажник у купца так и распух от денег, словно подушка какая набита.

– Понял, – говорит, а у самого так сердце и загорелось от жадности.

– Вот то-то. Сказано – ученье свет, а неученье тьма, так оно и выходит. Ну-ка, малый, хлестни пегушку-то, чего она, шельма, постромки опустила.

Вздыхнул Ермил, погнался лошадей.

И стал с этих пор скучать Ермил. Возьмет ли метлу в руки, примется ли жеребца хозяйского чистить; начнет ли сугробы сгребать – не лежит его душа к работе. Поужинает, ляжет спать на печь, и тепло ему и сытно, а не спокойно у него в мыслях. Представляется ему – едут они с купцом по дороге, поле белое, небо белое; полозья визжат, вешки по сторонам натыканы, а купец запахнул шубу, и из-за шубы бумажник у него оттопырился. Люди храп подымут, на дворе петухи закричат, в соборе к утрени ударят, а Ермил все вертится с бока на

бок. Прежде разъелся он на хозяйских харчах: щеки отдулись, шея стала как у борова, кафтан, что захватил из дома, – не сходится: станет застегивать – петли трещат. А тут дело подошло – отощал он от своих мыслей, из лица стал темный, глаза ввалились. Никак не одолеет своей жадности. А поглядит на купеческую жизнь – еще больше разжигает его зависть. Утром встанет купец, обрядится, взденет лисью шубу и пойдет к обедне. Домой воротится – самовар у него на столе; пироги пшеничные, лепешки сдобные. Жена разрядится, ковровый платок распустит по плечам, сидит, чаек попивает; щеки красные, сама рыхлая, толстая, так и разваливается, как малина. Наестся купец, напьется, отвалится от стола и пойдет в ряды на прогулку. Соберутся купцы в рядах, учнут шутки шутить, зазовут для потехи дурачка какого-нибудь, заставят его песни играть, плясать, – сами так и надрываются со смеху. Не то – в трактир пойдут чай пить, о торговых своих делах толкуют. Придет купец домой, – уж на столе и жареное и вареное. И гусятина каждый день, и щи с убоиной, и каша с маслом, и водка, и квас. После обеда ляжет купец с женой на пуховики и спит вплоть до вечера. Выспится – за ворота выйдет, орехи начнет щелкать. Кто не пройдет мимо – поклон ему отдаст.

Тем временем колесо идет своим порядком. Мужики хлеб привозят; молодцы ссыпают, ругаются с мужиками, кули набивают. Ермил иголкой да суровыми нитками все себе руки намозолил. Ссыпка спешная, горячая. Обозы чуть не каждый день купеческий хлеб в Москву отволакивают.

IV

И видит Ермил – все колесо держится грамотой, чужими людьми да деньгами. Подумал, подумал он: «Дай, – говорит, – грамоте научусь, не обсевок я какой-нибудь на самом деле». И услышал, что живет в слободе такой человек, – обучает грамоте и счету. Выбрал Ермил праздничное время, отпросился у хозяина будто к сапожнику за сапогами и пошел в слободу. И долго искал того человека. Жил он у мужика на задворках; кругом избушки сугробы намело; окошки крохотные, в дверь пролезать – скрючиться надо. Вошел Ермил в сенцы, обмел сапоги, взялся за кольцо, и вдруг ему стало стыдно: как это такой большой малый и вздумал грамоте учиться; не засмеял бы его этот человек!

Однако справился, виски пригладил, дернул за кольцо, вошел. И видит – сидит на лавке немолодой человек, обряжен в чистую рубаху, из себя костлявый, сморщенный, сидит и в книжку смотрит.

– Здоров будешь, – говорит Ермил, а у самого в глотке пересохло от страха. Оторвался человек от книжки, посмотрел на Ермила. И по глазам увидел Ермил, что человек тот мягкий, милостивый, не станет над ним смеяться, и сразу сделалось ему ловко. Рассказал он свое горе. И как сказал, что желает грамоте научиться, – просветлел тот человек, обрадовался, не знает где посадить ему Ермила; а как сказал Ермил, на что ему грамота нужна, понял человек, какая жадность одолевает Ермила, и запечалился.

– Ты уж сделай милость – научи, милый человек, – говорит Ермил, – я тебе не токмо – по гроб жизни буду благодарен.

Молчит человек, глядит в землю.

– Ты уж не сомневайся, – говорит Ермил, – труды твои за мной не пропадут. Как-никак – отплачу тебе.

Поднял человек глаза и заговорил. И видит Ермил – совсем перед ним другой человек: голос строгий, из лица пасмурен.

– Не от бога, – говорит, – твоя охота к учению, но от дьявола. Бог вложил в тебя понятие и дал разум. Но ежели ты захотел учиться ради наживы, ежели ты раззарился на сладкое житье и хочешь подражать купцам, – это не от бога, но от дьявола. Грамота не на то дана, чтобы душу погубить, но чтоб спасти.

– Эка, голова, при деньгах и спастись легче, – со смешком говорил Ермил, а самого зло берет на человека, – ты гляди, наш хозяин каждый день к обедне ходит, свечи ставит, по четвертаку за свечку, колокол справил в собор.

Покачал человек головой на эти слова, насупился, развернул книжку и прочитал Ермилу: «Увидел Христос богатых, клавших дары свои в сокровищницу. Увидел также и бедную вдову, положившую две лепты, и сказал: истинно говорю вам, что эта бедная вдова больше всех положила, ибо все от избытка своего положили в дар богу, а она от скудости своей положила все пропитание свое, которое имела».

Ермил в одно ухо слушал, в другое выпускал; очень уж его разбирала досада на человека, и говорит:

– Ты вот что, нечего тут с тобой толковать: мне еще жеребца хозяйского надо напоить, хочешь целковый за учебу?

– Мне денег твоих не надо, – говорит человек, – подумаешь, отстанешь от своей жадности – даром выучу. – И опять сказал: – Грамота не дана, чтобы погубить душу, но спасти.

– Да чудак ты, ежели не по торговой части, на что она мне, грамота-то, твоя! Я в мужиках и без грамоты цеп-то в руках удержу. Мне счастье свое хочется найти, талант.

– Иной и талант на погибель, – сказал человек.

Осерчал Ермил, не стал слушать человека, нахлобучил шапку, хлопнул дверью, изругался и пошел ко двору.

V

И на его счастье, взялся один приказчик научить его. Сбегал украдкой Ермил на базар, купил азбуку, выстрогал указку; отслужили они с приказчиком молебен святому Науму; сходили для начала в трактир, и засел Ермил. И учился он от людей тайком, крадучись, чтобы люди не смеялись над ним: вот, мол, какой здоровый малый за азами убивается. Люди спать, а он в книжку глядит; люди за ворота пойдут, а он забьется в конюшню, склады твердит. И так ему далась грамота, что не прошел еще великий пост, а уж он печатное стал разбирать, начал понимать, что если цифрами обозначено; на бумаге мог пером слова выводить.

А дела его шли своим порядком: то снег счищает, то хлеб ссыпает, то кули зашивает; и купец его не забывал: когда рублевку даст, когда две. Справил Ермил себе весь обряд, а про брата Ивана и думать забыл. Посылал ему, что причиталось с договоренного. Когда полтинник пошлет, когда четвертак. Село было далеко, за сорок верст. Мужики ездили в город редко, разве нужда какая пристигнет. С ними и посылал Ермил деньги брату Ивану.

Только на святой пришел в город Иван. Отощал за зиму; кафтан на нем с заплатами, онучи веревками обмотаны. Посмотрел, посмотрел, видит – Ермил в поддевке тонкого сукна, рубаха на нем французская, портки плисовые, сапоги вытяжные. И прискорбно показалось это Ивану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.